

и дать отвѣтъ на запросъ. Онъ воспользовался случаемъ надѣть на себя личину честнаго маклера, чтобы дать Россіи возможность принять, безъ слишкомъ большого для нея уничтоженія, его неизбежное съ ходомъ событій, посредничество.

Въ восточномъ вопросѣ онъ, само собой, поддерживаеъ всюду, гдѣ возможно, Австрію. Говорятъ, что еще въ 1866 году въ Никольсбургѣ, онъ отвѣтилъ тѣмъ, которые совѣтовали ему воспользоваться возможно болѣе плодами побѣды: „Австрія нужна намъ для Востока“ и уже въ 1867 г. предложилъ Австріи союзъ, на который не согласился, однако, Бейстъ. Я знаю навѣрно, что онъ давно уже совѣтовалъ Австріи занять Боснію подъ предлогомъ, что государство не можетъ допускать безпорядковъ на своей границѣ, которые вызываются возстаніемъ въ Герцеговинѣ. Въ то время онъ былъ очень недоволенъ, что его не послушались. Онъ выразился при этомъ по своему обыкновенію образно. „Еслибы у императора было хоть на каплю мужества, то онъ зналъ бы, что ему нужно сдѣлать; ему стоило бы только надѣть свой бѣлый мундиръ, сѣсть на коня и проскакать по улицамъ Пешта; онъ навѣрно привлекъ бы всѣхъ на свою сторону; но онъ не довѣряетъ никому, потому что знаетъ, что никто не довѣряетъ ему, онъ былъ и будетъ—плохой другъ и злой врагъ“ (ein schlechter Freund und ein böser Feind). Этотъ далеко не придворный языкъ о такихъ высокопоставленныхъ особахъ свидѣлствуетъ о непреодолимой страсти къ откровенности у Бисмарка, одной изъ выдающихся элементовъ его сложной натуры. Едва ли существуетъ въ Европѣ владѣтельная особа, о которой онъ не выразился бы у себя на дому подобнымъ же образомъ. На большомъ парламентскомъ обѣдѣ, напр., онъ рассказывалъ о встрѣчѣ своей съ Наполеономъ при Седанѣ; въ началѣ своей рѣчи онъ придерживался официального тона: какъ онъ увидѣлъ недалеко отъ себя императора, спрыгнулъ съ сѣдла и отдалъ честь, какъ обратился къ нему съ почтеніемъ: „Sire!“ и т. д., какъ убѣдительно старался уговорить его величество вернуться къ войскамъ („намъ вѣдь всего пріятнѣе было бы отдѣлаться отъ него и заключить съ нимъ же миръ“), но вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ и громко воскликнулъ: „негодяй былъ слишкомъ трусливъ!“ („Der Lump war zu feige!“).

Выраженіе это слишкомъ жестоко; то, что Бисмаркъ предлагалъ Наполеону, было неисполнимо; онъ могъ возвратить себѣ тронъ только при помощи штыковъ Германіи. Слово „негодяй“ вообще не подходитъ къ тому, кого Бисмаркъ при другомъ случаѣ называлъ „une ronde incapacité méconnue“ (великая непри-